

Л. А. Гунина

ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

*Работа представлена кафедрой иностранных языков Волгодонского института
Южнороссийского государственного технического университета.*

В статье рассматриваются национально-специфические, или этнокультурные концепты, раскрывающие ценностные приоритеты культуры и отражающие национальный характер. Исследуются русская и английская концептосферы, лингвокультурные доминанты в данных культурах.

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, концептосфера, характер. *Linguaculture, concept, conceptsphere, character.*

L. Gunina

ETHNOSPESIFIC CONCEPTS AS REFLECTION OF A NATIONAL CHARACTER

The paper is devoted to the national-specific, or ethnocultural, concepts revealing valuable priorities of culture and reflecting a national character. Russian and English concept spheres, linguocultural dominants in these cultures are investigated.

Key words: *linguoculture, concept, concept sphere, character.*

Единицей лингвокультурного моделирования мира выступает лингвокультурный концепт – сложное многомерное ментальное образование, включающее образно-перцептивный, понятийный и ценностный компоненты [9, с. 100]. Каждый отдельный концепт демонстрирует существование в конкретной этнической культуре определенной ценности. Культурные концепты проявляют специфику языковой картины мира. Концепты, раскрывающие ценностные приоритеты культуры,

объединяются в системы или в лингвокультурные доминанты. Например, без преувеличения можно сказать, что громадное влияние на национальный характер англичан оказали сохраняющаяся до сих пор монархия и традиции аристократии. Ценности аристократа и джентльмена практически стали ценностями целой нации.

Представляют несомненный интерес те концепты, которые представляют собой своеобразные коды – ключи к пониманию цен-

ностей этой культуры, условий жизни людей, стереотипов их поведения. Детальная характеристика концепта-кода (ключевого концепта) советской культуры «очередь» дана в работе Е. М. Верещагина [6]. Автор перечисляет коллективные и индивидуальные речеповеденческие тактики, характеризующие очередь как культурный концепт, в виде клише: «*Никого не пропускайте!*», «*Отпускайте по норме!*», «*Подходите скорее!*», «*Не толкайтесь!*», «*Мне об этом в очереди сказали*» и др. Этот концепт имел четкие ценностные основания – умения выжить в условиях дефицита товаров. Отсюда множественные наименования успешного приобретения дефицитного товара (*отхватить, вырвать, поймать на лету, достать* [9, с. 121–140]).

Концепты объединяют представителей определенной лингвокультуры, обеспечивая основу взаимопонимания между ними. Концептуальное пространство отдельной языковой личности и лингвокультуры в целом организуется в концептосферу. «Концептосферу можно рассматривать в двух направлениях: как взгляд «извне», т. е. анализ концептосферы в целом как выражения национально-культурной специфики определенного народа, и как взгляд «изнутри», попытку проникнуть во внутренний мир представителей разных социальных групп посредством концептов как многомерных образований» [12, с. 111].

Как считает О. А. Леонтович, наиболее эффективным путем «вычитывания» национально-специфических концептов из языков является их межъязыковое сопоставление [12, с. 111]. Этнокультурную специфику концептов можно представить посредством «картирования соответствующих лексических и фразеологических групп, сопоставления ценностных суждений, вытекающих из стереотипов поведения, зафиксированных в значениях слов, устойчивых выражений, прецедентных текстов» [8, с. 14].

Анализируя концепты национальной культуры, В. П. Нерознак подчеркивает, что «безэквивалентная лексика, или то, что обычно называют „непереводимое в переводе“, и есть тот лексикон, на материале которого и следует составлять списки фундаментальных наци-

онально-культурных концептов» [13, с. 85]. Это интересный и своеобразный подход к изучению концепта и в максимальной степени объективный.

При сравнении этноспецифических концептов можно заметить асимметричность представленности единиц в сопоставляемых культурах. Крайней степенью такой асимметричности является лакунарность – значимое отсутствие определенных признаков и единиц в одной системе по сравнению с другой. «Лакунарные концепты как „незаполненные клеточки“ условно могут быть разбиты на следующие разновидности: 1) отсутствующие в сравниваемых культурах осмысления объектов, иллогизмы, которые не вызваны потребностями людей, но могут быть придуманы или созданы [4]: „камнеед“, „крысовод“, „слонопотам“; 2) отсутствующие в одной из культур осмысления реалий, свойственных другой культуре (предметных, антропонимических, топонимических, историко-культурных): „кокошник“, „шиллинг“, „Кремль“, „комсомольское собрание“; 3) нерелевантные для одной из культур качества или сочетания качеств, имеющие имя в той культуре, где они актуальны: „fair play“ (в англ. лингвокультуре – игра по правилам), „savoir vivre“ (во французском языковом сознании – умение жить с удовольствием), „щедрость“ (специфическое качество русского национального характера)» [9, с. 8].

Г. Н. Снитко [15] определяет механизмы мышления в традиционно выделяемых культурных типах – Западной и Восточной культурах (под Западной культурой понимается культура Европы, а под Восточной культурой – культура Азии (Индии, Китая, Японии) – как Познание и Понимание, причем не как психологические явления, а как духовные, культурные.

Согласно И. Е. Аничкову [1], в языке все идиоматично и любое ментальное образование другой культуры можно считать этноспецифическим. В этом плане заслуживает внимания идея лингвистического континуума В. М. Савицкого, согласно которой можно говорить о той или иной степени идиоматичности языковой единицы и о той или иной степени лингвокультурной специфики концепта [14].

Нельзя не согласиться с А. Вежбицкой [5], полагающей, что такие доминанты поведения в русской культуре, как относительная неконтролируемость чувств, неконтролируемость судьбы, категоричность моральных суждений, заложены в русской грамматике и определяют мировоззрение носителей языка. Вместе с тем было бы упрощением считать, что своеобразие культуры народа сводится к нескольким концептам, даже столь многомерным и существенным, как «душа», «судьба», «тоска», «воля» для русской культуры, «*Ordnung*» – «порядок», «*Befehl*» – «приказ», «*Angst*» – «страх» для немецкой, «*Freedom*» – «свобода», «*Privacy*» «приватность», «*Enterprise*» – «предприимчивость» для английской.

Существуют различные признаки, свидетельствующие об этнокультурном своеобразии народа. Например, среди слов-реалий, отражающих особенности природно-географической среды Великобритании, выражающих ее национальное своеобразие, можно отметить *heath* (пустошь, поросшая вереском), *dale* (долина, дол), *fen country* (фены, болотистая местность на востоке Англии), *loch* (шотл. lake), *white cliffs* (меловые утесы) и др. Иногда названия широко распространенных на данной территории животных и растений воспринимаются с целым рядом стереотипных ассоциаций, закрепленных в фоновых знаниях народа-носителя лингвокультуры и становятся названиями-символами: *Rose, Lion, Unicorn* – роза, лев и единорог, эмблемы Англии.

Несомненно, интерес для исследователя представляют концепты, не имеющие эквивалентов в другой лингвокультуре. Русскими концептами, не знакомыми англичанам, являются «цельность», «умиление», «лукавство», «разгул», «склока» и т. д. В. Набоков подробно описал русский концепт «пошлость» в биографии Н. В. Гоголя, предназначенной для американских читателей. Набоков отмечает, что соответствующие английские слова *cheap, sham, common, smutty, pink-and-blue, in bad taste; inferior, trashy, scurvy, tawdry, gimcrack* отражают классификацию ценностей определенного периода времени, в то время как русское понятие «пошлость» неподвластно времени (*is beautifully timeless*) [19, с. 9].

Расхождение концептов, которое отражает дух народа, специфику мышления и характер восприятия действительности представителями разных лингвокультур, может приводить к попытке осмыслить чужую культуру через собственную концептосферу и тем самым провоцировать ситуации непонимания. Как пишет Ю.С. Степанов, «у каждого из культурных концептов свой синтаксис: каждый из них как бы окружает себя своими особенными синтаксическими правилами» [16, с. 325]. В результате специфического для английского языка членения и синтеза смыслового содержания высказывания следующие краткие, но емкие английские фразы с трудом поддаются переводу на русский язык без существенной деформации синтаксиса: *to project into the future; to center on life experiences; to encourage smb. to do smth.; to make love; to date back to; mainstream culture; a helpful person.*

Из-за разной концептуализации действительности и степени активности в освоении мира различается и форма вербализации народного опыта, которая выражается в агентивности/неагентивности, развернутости/свернутости высказывания, расчлененности/нерасчлененности на компоненты и в разных субъектно-объектных отношениях. При переводе происходит перераспределение смыслов между словами (концентрация, трансформация, синтез и т. д.), например: *I am thirsty* – я хочу пить; *I am sorry* – мне жаль; *I am hungry* – я проголодался; *to witness* – быть свидетелем.

Английскому языку свойственны точность и краткость выражения мысли: *What's the message? What message do you want to get through?* Русский язык, в свою очередь, отличается богатой эмоциональной нюансировкой смыслов. Например, невозможно передать по-английски фразу: *А солдатика замучила тоска.*

Различие между представлением тех или иных концептов в разных языках выражается большей частью не в наличии или отсутствии определенных признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике. А. Д. Шмелев пишет, что «анализ русской лексики позволяет выявить целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся в значении многих

русских лексических единиц и фразеологизмов, которые представляются специфичными именно для русского видения мира и русской культуры» [18, с. 17].

Как считают А. Зализняк, И. Левонтина, А. Шмелев, ключевыми идеями, или сквозными мотивами, для русской языковой картины мира являются следующие:

1. Идея непредсказуемости мира (*а вдруг, на всякий случай, если что, авось; собираюсь, постараюсь; угораздило; добираться; счастье*).

2. Представление, что главное – это собраться (чтобы что-то сделать, необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это трудно) (*собираться, заодно*).

3. Представление о том, что для того чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо большое пространство снаружи (*удаль, воля, раздолье, размах, ширь, широта души, маяться, неприкаянный, добираться*).

4. Внимание к нюансам человеческих отношений (*общение, отношения, попрек, обида, родной, разлука, соскучиться*).

5. Идея справедливости (*справедливость, правда, обида*).

6. Оппозиция «высокое – низкое» (*быт – бытие, истина – правда, долг – обязанность, добро – благо, радость – удовольствие, счастье*).

7. Идея, что хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует (*искренний, хотеть, душа нараспашку*).

8. Идея, что плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды (*расчетливый, мелочный, удаль, размах*).

«Лексикон русского менталитета» под редакцией Андрея Лазари [22] представляет собой попытку дать объяснение философским, социальным, религиозным и политическим идеям, составляющим специфику русского менталитета. По мнению А. Лазари, многие феномены и концепты в России не имеют верных соответствий в других странах и языках или, что еще хуже, имеют кажущиеся соответствия.

В английском языке выделяются многообразные оценочные характеристики преступников, и отсюда можно сделать вывод о ценности закона в англоязычной культуре.

В русском языке нет столь дробной дифференциации преступников, но существенна собственно этическая сторона дела, осуждается дерзко-бесстыдное отношение к людям, поведение не по совести, и отсюда вытекает требование уважения к обществу. По мнению Е. В. Бабаевой, концепты русской лингвокультуры «закон», «правда», «истина», «справедливость», «долг» связаны с категорией социальной нормы и обозначают ориентир, которым руководствуется человек в своем поведении [2, с. 93].

Отмечаются следующие ценностные соотношения между английской и русской культурами применительно к определенным культурным концептам. В английской культуре успех зависит прежде всего от усилий человека. Главное в работе – результат. Герой должен вести себя благородно. Человек удивляется чуду. Следует вести себя умно. Глупец достоин осмеяния. Шалость заслуживает наказания. Тот, кто преследует мнимые цели, выставляя себя напоказ, достоин осуждения. В русской культуре успех зависит прежде всего от способностей человека и везения. Главное в работе – желание трудиться. Герой должен идти на самопожертвование. Человек испытывает восторг перед чудом. Следует вести себя красиво. Глупец достоин сожаления. Шалость заслуживает порицания. Тот, кто преследует мнимые цели, достоин сожаления [9, с. 172].

Л. Д. Гудков описывает национальные черты русских и англичан. Русские респонденты выбирали из качеств наиболее типичные для русских (гостеприимство, открытость, надежность, верность, миролюбие, лень, терпение, непрактичность, безответственность, готовность прийти на помощь) и англичан (энергичность, рационализм, скрытность, воспитанность, скупость, чувство собственного достоинства) в 1989 и 1994 г. [11, с. 22–49].

Для анализа национальных стереотипов нами была использована методика «сравнения черт характера англичан и русских». В результате эксперимента нами было установлено, что наиболее характерными качествами русских, по мнению русских информантов, являются: щедрость, готовность прийти на помощь, лень, безответственность, миролюбие, на-

дежность, верность, открытость, религиозность, свободолюбие, терпение, трудолюбие, энергичность. При этом 20-летние девушки отмечают безответственность, властолюбие, лень; 15-летние – безответственность, властолюбие, зависть, воспитанность, лень. Экзостереотипы, наиболее типичные для характеристики англичан: воспитанность, миролюбие, навязывание своих обычаев другим, почтительность со старшими, рационализм, чувство собственного достоинства, скрытность, скупость, трудолюбие, энергичность. По мнению 15-летних девушек, англичанам характерны: властолюбие, зависть, лицемерие, свободолюбие, терпение, эгоизм.

Интересные данные, отражающие стереотипы культурных представлений, присущие жителям современной России приводит С. Г. Тер-Минасова [17, с. 43–45]. На культурной карте Европы, составленной студентами факультета иностранных языков МГУ, Великобритания и Россия выглядят следующим образом.

Великобритания вызывает такие культурные ассоциации, как: fog (туман), Shakespeare (Шекспир), tea time (чаепитие, полдник), monarchy (монархия), dry sense of humor (суховатый юмор), special tea (особый чай), Robin Hood (Робин Гуд), Oxbridge (Оксфорд-Кембридж, Оксбридж), rain (дождь), gentlemen (джентльмены), good manners (хорошие манеры), 5 o'clock (файвоклок, чаепитие), unknown cuisine (незнакомая кухня), Бейкер-стрит, зеленые лужайки, замки, привидения, футбол.

С Россией связаны следующие ассоциации: Motherland (Родина), Russians (русские), openness (открытость), generosity (щедрость), large and unpredictable (большая и непредсказуемая), Russian language (русский язык), снег, братья, «утомленные солнцем», зима, береза, романс, матрешка, мишка, сказка, водка, икра, калина, хоккей, балет, янтарь, Андрей Рублев.

При сопоставлении английской и русской концептосфер обращает на себя внимание то, что русские концепты, относящиеся к духовной и эмоциональной стороне жизни, часто не имеют английских аналогов. В то же время английские концепты, не переводимые на русский язык, в большинстве своем отражают

индивидуалистский и рационалистический характер английской культуры. Одной из ведущих характеристик англичан является *индивидуализм*, который при сравнительном анализе с русской культурой противопоставляется *коллективизму*, или *соборности*. Русская культура, со своей стороны, традиционно считается коллективистской, соборной. У. Г. Стефан и М. Абалкина-Паап полагают, что русские являются собой своего рода антитезу протестантской этики: низкую заинтересованность в личных достижениях, тенденцию к выражению своих импульсов, а не к их подавлению, высокую ценность личностных взаимоотношений, ориентировку на групповые ценности в противовес индивидуальным, крепкие семейные узы [21, с. 376]. Американцы также отмечают соборность и эгалитаризм русской православной церкви (напр.: [20, с.28]).

Н. А. Бердяев объясняет недостаточное развитие личного начала в русской жизни тем, что «в русской истории не было рыцарства, этого мужественного начала. <...> Русский народ всегда любил жить в теле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. <...> С Ивана Калиты личность была придавлена огромными размерами государства, предъявлявшего непосильные требования» [3, с. 13–14].

Следует отметить, что к индивидуализму в России всегда было отрицательное отношение, и западная самодостаточность и привычка надеяться только на себя воспринимается как безразличие, эгоизм и отчуждение. «Интересно, что идея противопоставления индивидуального и общественного заложена даже в русских глаголах мышления: «думать» акцентирует коллективную, диалогическую мыслительную деятельность (отсюда и «Государственная дума»), а «мыслить» – индивидуальную, монологическую» [10, с. 29]. Выделение собственной точки зрения в русском коммуникативном поведении вызывает критическую оценку: «Я – последняя буква в алфавите».

Однако узнаваемым индексом новых неприличных межличностных отношений в современной России, как отмечает В. Карасик, стала фраза «А кому сейчас легко?», которая может

быть интерпретирована следующим образом: 1) ты не должен жаловаться на жизнь; 2) потому что всем плохо; 3) выставлять напоказ свою слабость стыдно; 4) я не хочу тебе сочувствовать; 5) я выражаю свое нежелание помогать тебе в насмешливой форме. Общий вывод – нужно самому справляться с собственными трудностями – соответствует нормам индивидуалистического поведения [9, с. 35–36]. Таким же нормам соответствует и часто употребляемая фраза «Это не мои проблемы».

Русское слово *душа* гораздо более распространено, чем английское *soul*, и играет огромную роль в духовной жизни русского народа. В русском языке слова *душа*, *дух*, *духовный* *одного* *корня*, английском – это совершенно разные слова: *soul*, *spirit*, *spiritual*. Для русского народа, у которого в национальной системе ценностей на первом месте стоит духовность, «душа» – главное, стержневое понятие, преобладающее над рассудком, умом, здравым смыслом. Англоязычный же мир, наоборот, поставил в основу своего существования Здравый смысл. Здравый смысл часто считают одной из основных характеристик западной ментальности в противоположность непрактичному и фантастическому мироощущению, свойственному людям, живущим на Востоке.

Огромное количество фразеологизмов со словом *душа* крайне редко имеет в английском переводе *soul* в качестве эквивалента: *душа моя!* – *my dear*; *жить душа в душу* – *to live in (perfect) harmony*; *быть душой чего-либо* – *to be the life and soul of smth*; *в глубине души* – *in one's heart of hearts*; *в душе (про себя)* – *at heart*; *в душе (по природе)* – *by nature, innately*; *до глубины души* – *to the bottom of one's heart*; *вкладывать душу* – *to put one's heart into*; *всей душой* – *with all one's heart*; *всеми силами души* – *with all one's heart*; *залезть в душу кому-либо* – *to worm oneself into smb's confidenc*.

Западная душа гораздо более рационализована, упорядочена, организована разумом

цивилизации, чем русская душа, в которой всегда остается иррациональный, неорганизованный и неупорядоченный элемент... Русские гораздо более склонны и более способны к общению, чем люди западной цивилизации [3, с. 235–236].

Следует отметить, что нормы отношений внутри семьи в английской и русской культурах разные: в английской культуре на первом месте – отношение к супругу, а потом уже к детям и старикам; в русской культуре на первом месте стоит отношение к детям, родителям, отношению к супругу – на втором месте. Приведенные выше данные дают представление об этноспецифических концептах, существенных различиях между русской и английской концептосферами.

Таким образом, наиболее эффективным путем определения национально-специфических концептов в лингвокультурах является их межъязыковое сопоставление. Этнокультурная специфика концептов может быть представлена посредством соответствующих лексических и фразеологических групп, сопоставления ценностных суждений.

Существуют различные признаки, свидетельствующие об этнокультурном своеобразии народа. Несомненно, интерес для исследователя представляют концепты, не имеющие эквивалентов в другой лингвокультуре. Этноспецифические концепты в наибольшей степени отражают когнитивный и ценностный подходы к материальному миру, способы освоения действительности и ее моральной оценки, особенности менталитета. Осмысление этнокультурных различий позволяет увидеть взаимосвязанные смысловые линии в чужой культуре и соответственно лучше понять такие линии в культуре собственной. Изучение ценностной стороны этноспецифических лингвокультурных концептов приводит нас к пониманию высших ориентиров поведения, присущих определенной культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аничков И. Е. Идеомантика и семантика (Заметки, представленные А. Мейе) // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 140–150.
2. Бабаева Е. В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 171 с.

3. Бердяев Н. А. Самопознание: мемуары. М.: ДЭМ, 1990.
4. Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. 33 с.
5. Везжицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М.: Рус. слов., 1996. 416 с.
6. Верещагин Е. М. Из лингвострановедческой археологии: сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. Вып. № 426. Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996. С. 15–26.
7. Карасик В. И. Иная ментальность. М., 2005.
8. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 3–16.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
10. Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове // Российский менталитет и учет его особенностей в социальной работе. М., 1994.
11. Кочетков В. В. Психология межкультурных различий. М., 2002. 416 с.
12. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
13. Нерознак В. П. От концерта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопр. филологии и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. Омск, 1998. С. 80–85.
14. Савицкий В. М., Кулаева О. А. Концепция лингвистического континуума. Самара, 2004. 178 с.
15. Снитко Г. Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах: дис. ... д-ра филол. наук. Пятигор. гос. лингв. ун-т. Краснодар, 1999.
16. Степанов Ю. С. Слово // Русская словесность От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. 320 с.
17. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 264 с.
18. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
19. Nabokov V. Our Mr. Chichikov from Nikolay Gogol // English, 1998. P. 9–10.
20. Richmond Y. From Nyet to Understanding the Russians. Yarmouth, Maine, 1996.
21. Stephen W. G., Abalakina-Paap M. Russia and the West // Handbook of Intercultural Training / ed. By d. Landis and R. S. Bhagat. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1996. P. 366–382.
22. The Russian Mentality. Lexicon. Ed. By A. Lazari. Katowice, 1995. 284 p.